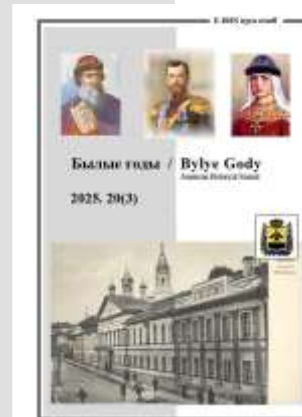

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1391-1403
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1391

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Terrorism as a Socio-Political Phenomenon in the Moral Assessment of Russian Intelligentsia of the second half of the 19th – early 20th centuries

Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The major subject of research of the present paper is the problem of the attitude of the Russian intelligentsia to political terror in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The work is based on the use of authentic sources: diaries, letters, recollections, memoirs, articles by the representatives of the intelligentsia of the period reviewed. The reasons for genesis of terrorism are analyzed, which consisted in incompletion of reforms, incapability of intelligentsia to deliver on their potential in any of the fields of activity, and the lack of political representation of intelligentsia in management structures. It was found that abusive policy towards revolutionaries on the part of the government contributed to the expansion of the support base for political terror. The nature of terror evolution in Russia and the social composition of participants in terrorist activities, represented by the intelligentsia, the nobility, students, and workers, were addressed. The dominant role of intelligentsia in terror was substantiated, which stood at its origins and of which it was the product. Glorification of the image of a revolutionary terrorist contributed to the formation of a social stereotype of a person sacrificing himself for the greater good, which in turn promoted involvement of new adherents in terror.

The study revealed that intelligentsia, having no generally agreed position regarding the terrorist acts, mostly treated them more than loyally, justifying its position by the unreasonable, cruel policy of the authorities and inability to exercise control over it in any other way. Terror did not get unequivocal moral condemnation from intelligentsia, played its destructive role and drastically affected the socio-political development of Russia.

Keywords: terrorism, intelligentsia, Russia of the 19th century, Narodnaya Volya, Socialist Revolutionaries.

1. Введение

Высокий накал общественно-политической борьбы в пореформенной России являлся следствием отношения общества к проводимым правительством реформам. Обманутые надежды побуждали наиболее активную часть общества к решительным мерам, а теоретические дискуссии о путях развития России стали принимать формы политической борьбы. Идейная непримиримость приводила к политическому экстремизму, который на практике реализовывался в терроризме. Преследуя политические цели, используя методы террора как крайнее средство политической борьбы, отдельные лица, группы или организации стремились дестабилизировать общественно-политическую обстановку в стране. В террористической деятельности принимали участие как революционные деятели, призывающие к свержению существующего режима, так и участники национально-освободительных, сепаратистских движений и даже уголовные элементы. Общественность России 1860–1870-х гг. видела возможность кардинального изменения жизни в стране в революционно-демократическом движении, социальный состав которого был весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

разнообразен. В террористических актах, которые являлись неотъемлемой частью революционного движения, участвовали интеллигенция, студенты, дворяне, рабочие, крестьяне. Вера интеллигенции в то, что только она может решить судьбу народа, определила её доминирующую роль в терроре, который стал её порождением. Первоначально свой нравственный долг перед народом интеллигенция стремилась выполнить посредством социальной и культурной деятельности. Но массовое «хождение в народ» не встретило понимания со стороны власти, которая ответила на него массовыми репрессиями, что, в свою очередь, не способствовало налаживанию её диалога с интеллигенцией. Французский исследователь Ж. Соколофф, отвечая на вопрос, «по какой причине молодые идеалисты превращаются в террористов?», предполагал, что этому способствовала «либерализация режима», которая «побудила их перейти к более решительным методам борьбы», а также «жажда возмездия», «месть за товарищей, томящихся в тюрьмах» (Соколофф, 2008: 132). Неэффективная социальная политика власти, усиление с её стороны репрессивных гонений, посредством которых она хотела подавить революционное движение, способствовали тому, что общественное сознание всё больше склонялось в пользу террора, который стали поддерживать даже либерально настроенные слои общества.

Столкнувшись впервые с организованным террором в конце 1870-х гг., самодержавная власть продолжала бороться с ним до начала Первой мировой войны. Наложив вполне определённый отпечаток на социально-политические процессы, проходившие в стране, терроризм предопределил её будущее развитие, внося в общественную жизнь дух насилия и страха, дестабилизируя государство и общество.

2. Материалы и методы

В основе исследования лежат архивные материалы, документы, воспоминания, письма, дневники. Используются архивные источники Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва, Российская Федерация). Впервые открытый призыв к тотальному террору прозвучал в прокламации Зайчневского «Молодая Россия» (Зайчневский, 1996). В «Листке “Земли и воли”» от 22 марта 1879 г. обосновывалась необходимость политических убийств (ИТВР, 1996: 31). Позицию по защите терроризма изложил в своей статье П. Ткачев (Ткачев, 1996). Л. Толстой своё отношение к террористическим актам донёс до императора в письме к Александру III (Толстой, 1996). Большой интерес для исследования представляют сочинения С. Степняка-Кравчинского, являвшегося непосредственным участником описываемых им событий и исполнителем террористического акта (Степняк-Кравчинский, 1987). Воспоминания П. Милюкова позволяют составить представление об отношении интеллигенции к террористической деятельности эсеров (Милюков, 1990). Интересный фактический материал содержится в воспоминаниях В. Фигнер (Фигнер, 1933). Воспоминания А. Герасимова повествуют о методах борьбы охранного отделения с террористами (Герасимов, 1996). Дневник А. Суворина содержит сведения об отношении к террору Ф. Достоевского (Суворин, 1992). Об отношении творческой интеллигенции к террористической деятельности революционеров можно судить по письмам А. Блока (Блок, 2006), статьям З. Гиппиус (Мережковский и др., 1999). Путевые заметки Дж. Кеннана содержат сведения о пребывавших в Сибири политзаключённых, об отношении к ним Л. Толстого (Кеннан, 1999а, 1999б). Речь Гучкова на заседании Государственной Думы показывает отношение к террору интеллигенции (Гучков, 1912).

Методологическим каркасом работы явилось сочетание общенаучных и специально-исторических методов исследования. Принцип историзма дал возможность анализа взаимосвязи конкретно-исторических условий в России пореформенной эпохи и генезиса терроризма в стране. При помощи историко-генетического метода удалось выявить факторы становления и развития терроризма. Проблемно-хронологический метод позволил выявить закономерности и последовательность эволюции терроризма. Нравственные оценки террористической деятельности представителями российской интеллигенции удалось проследить с помощью идеографического метода.

3. Обсуждение

Большой интерес для исследования представляет книга, написанная французским социалистом Ж. Лонге и русским эмигрантом Г. Зильбером, выпущенная в 1909 г. Работа содержит богатый фактический материал по истории терроризма в России (Лонге, Зильбер, 1991). Фундаментальный характер носит исследование Б. Николаевского, посвящённое провокационной, основанной на терроре деятельности Азефа (Николаевский, 1991). Курс лекций выдающегося историка А. Корнилова позволяет максимально объективно воссоздать атмосферу общественно-политической борьбы в России XIX- начала XX в. (Корнилов, 2004). Монография В. Петухова посвящена рефлексии интеллигенции на революционный терроризм начала XX в. (Петухов, 2006). В монографии Н. Володиной рассматривается генезис политического терроризма в России и механизмы его проявления (Володина, 2023). И. Оржеховский в своём труде анализирует методы борьбы самодержавия против революционного движения в России (Оржеховский, 1982). Ю. Полевой показывает, как изменение мировоззрения рабочего С. Халтурина привело его к участию в террористической деятельности, анализирует характер его взаимоотношений с революционной

интеллигенцией (Полевой, 1979). Размышления Ф. Достоевского об общественно-политической обстановке в России 1870-х гг. нашли своё отражение в романе «Бесы» (Достоевский, 2022). Французский исследователь Ж. Соколофф характеризовал террор в России как «смертельную игру», в которой не может быть победителей (Соколофф, 2008). В статье А. Римского и М. Исмагиловой рассматриваются идеи русской интеллигенции в контексте правовой культуры (Римский, Исмагилова, 2022). Н. Чапагина анализирует причины, побудившие интеллигенцию обратиться к террору (Чапагина, 2004). Психический облик террориста воссоздают в своей статье И. Клейменов и А. Нуртазин (Клейменов, Нуртазин, 2006). Вопросы, связанные с нравственным оправданием политического террора интеллигенцией, как совершавшей его, так и не причастной к нему, рассмотрены в статье И. Сибирякова (Сибиряков, 2011). В. Сергеев (Сергеев, 2009), М. Леонов (Леонов, 2007) анализируют в своих статьях основные этапы становления терроризма в России. Вопросам деятельности террористических организаций и последствиям, к которым приводили террористические акты, посвящена статья Е. Пономарева (Пономарев, 2012). Методы террористической борьбы партии эсеров исследованы в статье Б. Леванова (Леванов, 2008). В статье финского исследователя В. Ойтинена поднимаются вопросы революционной морали, проводится анализ проблематики нигилизма и связанного с ним терроризма, который проведён с использованием биографий прототипов героев романа Ф. Достоевского «Бесы» (Ойтинен, 2019). Вопросам радикализации общественного поведения, которая выражалась в оправдании обществом насилия, посвящена статья А. Кугая (Кугай, 2017). Способы пассивного социально-психологического воздействия Нечаева и его идей на отдельных представителей общественности анализируются в статье В. Тевс (Тевс, 2020). Психотип Нечаева через факты его биографии рассматривается в статье Ю. Степанова (Степанов, 2022). В работах авторов данной статьи А. Грязнухина и Т. Грязнухиной рассматривались вопросы рефлексии русской интеллигенции в отношении общественно-политических процессов в стране, в том числе терроризма (Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2024).

4. Результаты

В начале 1860-х гг. в России «происходило всеобщее движение среди русской интеллигенции за либерализм, и все, что он означает», – писал С. Степняк-Кравчинский. Он отмечал, что «Самодержавие ведет против интеллигенции непримиримую и беспощадную войну» (Степняк-Кравчинский, 1987: 66-67). Уже в 1861 г. появляются первые прокламации, выражавшие недовольство реформами со стороны радикально настроенной интеллигенции. Прокламация студента Зайчневского «Молодая Россия», появившаяся в 1862 г. и прямо призывавшая к насилию над несогласными с революционными идеями, произвела на общество ошеломляющее впечатление. Впервые открыто прозвучал призыв: «В топоры!... – бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всякими способами...» (Зайчневский, 1996: 31). Правительство, напуганное этим призывом к тотальному насилию, ответило репрессиями, которые применялись ко всем подряд. Аресту подвергались лица, состоявшие в переписке с Герценом. Были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич, Писарев, причём обвинения выносились без соблюдения закона: так Чернышевский был осуждён на 14 лет каторги. Начались гонения на печать (Корнилов, 2004: 472). Способствовало повороту правительства в сторону реакции и польское восстание 1863 г. Историк Л. Тихомиров, сам принимавший активное участие в революционной деятельности и перешедший позже в лагерь монархистов, предупреждал, что одними репрессивными мерами обойтись нельзя. Он считал, что необходимо предупредить само появление радикально настроенных элементов (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 66). Правительство же, напротив, видело проблему в недостатке репрессивных мер и стремилось их увеличить, что ещё больше усиливало брожение в обществе, апофеозом которого явился выстрел Д. Каракозова в 1866 г., навсегда убивший власть следовать по пути реакции. Александра II удивило, что Каракозов оказался не поляком, а русским из мелкопоместных дворян. Ещё больше поразило царя то, что многие университетские товарищи террориста сочувствовали его целям (Степняк-Кравчинский, 1987: 236). Студенты представляли собой будущую интеллигенцию страны, и их лояльное отношение к покушению на царскую особу должно было бы послужить предостережением для правительства. Покушение показало, что недовольство политикой власти имеется даже в среде, которая должна была быть опорой для трона. Надежды Каракозова на социальную революцию не оправдались. Покушение было воспринято властью не как предостережение, а как повод для усиления реакции. Проводивший расследование по этому делу генерал М. Муравьев буквально терроризировал население, желая раскрыть заговор, которого не было. Негативным образом покушение сказалось на учащейся молодёжи и на системе образования в целом. Правительство на студенческие волнения отвечало арестами, исключениями из вузов. Были закрыты прогрессивные журналы «Современник» и «Русское слово». По-разному отреагировала на покушение интеллигенция, не имевшая прямого отношения к террору. Решительно осудил его Катков, став на сторону правительства и требуя решительных мер против террористов.

Н. Некрасов написал хвалебные стихи, посвящённые генералу Муравьеву. Журнал от закрытия это не спасло, а либерально настроенная интеллигенция простить этого поэту не смогла. Ф. Достоевский считал, что ответственность за террор лежит на всём обществе в целом (Корнилов, 2004: 513).

Следствием радикализации настроений в интеллигентской среде явилось возникновение по всей стране тайных кружков и образование первой в стране террористической организации «Народная расправа» во главе с С. Нечаевым. Учитель и вольнослушатель университета, Нечаев умел покорять людей. Его влиянию поддались М. Бакунин и Н. Огарев. Для удовлетворения своих властолюбивых устремлений Нечаев использовал обман и хитрость, перешагивая через все нравственные законы, использовал шантаж, воровство, собирал компромат на товарищей, чтобы держать их в повиновении, требуя от них беспрекословного подчинения. Он не потерпел критического отношения к методам своего руководства студента Иванова и приказал его убить, связав всех участников этим преступлением. На скамье подсудимых по этому делу оказалось 87 человек (Корнилов, 2004: 671). Русское общество было ещё не готово принять идеи тотального террора, которые исповедовал Нечаев, и поэтому его деятельность пагубно повлияла на репутацию революционеров. Отзвуки «нечаевского дела» современники увидели в романе Достоевского «Бесы», в котором автор хотел ответить на вопрос: каким образом «нечаевщина» стала возможной. Понимая свободу как нравственное самоопределение личности, Достоевский перевёл решение вопроса в духовную плоскость, рассматривая политическую борьбу как борьбу идей. Общество не хотело верить в реальность созданных писателем образов революционеров-террористов, и поэтому опубликованный в 1872 г. роман многие восприняли как политическую карикатуру, направленную против революции и демократии. Молодой публицист Н. Михайловский, не оправдывая террор, выступил против попытки Достоевского экстраполировать идеи Нечаева на всех революционеров.

В благородном порыве быть полезным России, молодые люди, оставив студенческие скамьи, сотнями «пошли в народ», служению которому решили себя посвятить. В начале 1870-х гг. пропаганда идей социализма среди крестьян шла в мирном русле. Несмотря на преследования властей, объединённые в общество «Земля и воля», представители интеллигенции продолжали свою просветительскую деятельность. Но к концу десятилетия, осознав, что пропаганда не даёт видимого успеха, самые активные члены организации сформировали Исполнительный комитет, который свою главную задачу видел уже в применении террористических методов борьбы с правительством (Корнилов, 2004: 685).

Американский путешественник Дж. Кеннан, целью поездки которого в Россию было исследование положения политических ссыльных, столкнувшись на практике с произволом властей в отношении студентов, либерально настроенной интеллигенции, пришёл к выводу, что в России «терроризм не кажется неестественным и необъяснимым явлением» (Кеннан, 1999а: 237). Напротив, он являлся естественным результатом политики, проводимой властью, которая, казалось, специально способствовала вовлечению в террор всё новых членов. Нечаевец Пётр Успенский, не разделяя радикальных воззрений своего руководителя, выступал за мирную агитацию и просвещение народа. Но разгром кружка, в котором он работал, а в особенности безосновательный арест его 14-летней сестры и помещение её в тюрьму, где её продержали девять месяцев, толкнули Успенского на путь террора. После всего пережитого убийство нечаевцами студента Иванова он считал вполне оправданным, так как опасался последствий предполагаемого предательства с его стороны и последующих после этого ответных репрессивных мер правительства (Тевс, 2020: 236).

Сформированная на основе Исполнительного комитета новая организация «Народная воля» стала применять новую форму политической борьбы – террор, появление которого Кравчинский объяснял так: «Нужно было обойти врага с тылу, схватиться с ним лицом к лицу позади его неприступных позиций, где не помогли бы ему все его легионы. Так возник терроризм» (Степняк-Кравчинский, 1987: 360). В одном из листовок народовольцев 22 марта 1879 г. члены организации обосновывали необходимость террора таким образом: «Политическое убийство – это, прежде всего акт мести. Только отомстив за погубленных товарищей, революционная организация может прямо взглянуть в глаза своим врагам, ... только тогда поднимется на ту нравственную высоту, которая необходима деятелю свободы для того, чтобы увлечь за собой массы» (ИТВР, 1996: 91). Примечательно, что здесь уравниваются два понятия: «убийство» и «нравственность», до высоты которой, по мнению революционеров, можно подняться, только совершив насилие. В 1878 г. после покушения Веры Засулич на генерала Трепова и оправдания её судом присяжных, вокруг революционеров-террористов образовался ореол самопожертвования. Выражая общественное мнение, Кравчинский отмечал: «Засулич вовсе не была террористкой. Она была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклятие» (Степняк-Кравчинский, 1987: 358). Полное отречение революционеров, их готовность принести себя в жертву революции, способствовало возведению террора в ранг религии. Общество в лице интеллигенции, следившей за судебным процессом, приветствовало решение суда. Публичное оправдание насилия вопреки христианским ценностям свидетельствовало о трансформации в общественном сознании, позволявшей признать террор как явление, имевшее право на существование. А ведь даже мягкий приговор был бы всё же приговором, осуждавшим насилие. Но этого не произошло. Журналист и издатель А. Суворин в своём

дневнике передал разговор с Достоевским, который спросил его о том, обратился бы он в полицию, если бы узнал о готовящемся взрыве в Зимнем дворце. Суворин ответил, что не стал бы этого делать. Достоевский сказал, что поступил бы так же. Мотив, по которому писатель не пошёл бы в полицию, – «боязнь прослыть доносчиком» (Gryaznukhin et al., 2021: 1302). «Мне бы либералы не простили», – заявил издатель (Суворин, 1992: 16). Эту сцену почти точно писатель воспроизвёл в романе «Бесы», когда Верховенский потенциальным членам «пятерки» задал вопрос: «Если бы каждый из вас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий?». Собравшиеся ответили, что если бы это был «гражданский случай», убийство или ограбление, то, конечно, бы донесли, «а тут донос политический». «Здесь не доносчики!» (Достоевский, 2022: 373-374). Достоевский, осуждавший насилие в любых его проявлениях, тем не менее отделял убийство «политическое» от «гражданского», хотя от этого насилие не переставало быть насилием. Принятие насилия в любой его форме свидетельствовало о том, что в сознании общества действительно произошли кардинальные изменения, подвергшие сомнению прежнюю систему ценностей.

В августе 1878 г. С. Кравчинским был брошен правительству новый вызов, когда он среди дня на улице убил шефа жандармов Н. Мезенцова и успел скрыться. Судьба С. Степняка-Кравчинского, ставшего в начале 1870-х гг. на путь профессиональной революционной борьбы, была типичной для разночинной молодёжи. Родился он в семье лекаря военного госпиталя. Решение посвятить свою жизнь борьбе за народное благо привело его в кружок «чайковцев», где он познакомился с С. Перовской, А. Желябовым и другими лидерами движения. Как и многие его сверстники, для осуществления своей идеи он бросил институт и пошёл в народ пропагандировать социалистические идеалы. Пропаганда жестоко каралась правительством, а результатов давала мало. Поэтому народники нашли новый метод борьбы, которым явился террор, акт которого и был осуществлён Кравчинским. Обладая литературным даром, Кравчинский в своих произведениях создавал героический образ революционера-террориста, всегда готового пожертвовать своей жизнью ради высших целей. Созданный им стереотип революционера способствовал расширению базы движения, привлекая на путь террора представителей интеллигенции. Героизация образа революционера должна была обеспечить террористам поддержку общественного мнения. И действительно, многие члены общества оказывали революционерам поддержку. Об этом свидетельствует наличие так называемых укрывателей – людей, принадлежавших к различным слоям, от аристократов до мелких чиновников и даже служащих полиции, сочувствовавших движению, которые скрывали у себя преследуемых властями и запрещённые бумаги (Кравчинский, 1987: 444). Ответом со стороны правительства было ужесточение преследований. Только с августа 1878 г. до конца 1880 г. было казнено 22 террориста, от рук которых погибло 27 и ранено несколько десятков человек (Чевакина, 2004: 169).

Интеллигенция, породившая террор и участвовавшая в нём, всячески оправдывала его как в собственных глазах, так и в глазах представителей интеллигенции, к нему не причастной. Озабоченный мнением европейской общественности о том, что происходит в России, Кравчинский писал: «Нужно наконец помирить Европу с кровавыми мерами русских революционеров, показать, с одной стороны, их неизбежность при русских условиях, с другой – выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т. е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоконравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают» (Степняк-Кравчинский, 1987: 10). Оправдывая террор, Кравчинский пытался совместить несовместимое: идеи гуманизма и насилие. Однако отношение к насилию, олицетворявшему собой террор, со стороны русской интеллигенции не было однозначным. По свидетельству Дж. Кеннана, на рудниках в Каре он познакомился с Натальей Армфельд и её матерью. Наталью ещё с детства знал Л. Толстой. Кеннан обещал рассказать писателю об их бедственном положении, надеясь на его помощь. Но Толстой «не обнаружил расположения выслушать сообщения о страданиях политкаторжан в Восточной Сибири, ... дал ясно понять, что хотя ему и очень жаль многих политических, он ничем не может им помочь» (Кеннан, 1999b: 137). Писатель, твёрдо стоявший на позиции «непротивления злу насилием», считал, что революционеры, проявившие насилие, справедливо теперь сами страдают от него. Осуждение террора с его стороны было однозначным (Gryaznukhin et al., 2023: 1732). После убийства Александра II Л. Толстой написал письмо Александру III, в котором не только призывал, а буквально заклинал его «отдать добро за зло, не противьтесь злу, всем простите» (Толстой, 1996: 475). По его мнению, такое поведение правительства поставило бы его в позицию морального превосходства над террористами. Однако призывы великого писателя не были услышаны властью.

В апреле 1879 г. состоялось покушение А. Соловьева на Александра II. Штабс-капитан Кох, сопровождавший царя, в своём рапорте указывал, что выстрел был произведён во время утренней прогулки императора. Царь бежал зигзагами, уклоняясь от выстрелов. Кох, ударив Соловьева пашкой, свалил его с ног. Террорист был казнён, покушение же вызвало панику в правительстве. В столице и провинции начались аресты. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес в августе 1879 г. императору смертный приговор. Убийство царя стало маниакальной идеей народовольцев.

В сознании революционеров укоренялась мысль, что убийство царя может стать толчком для социального взрыва. Но многочисленные попытки террористических актов заканчивались провалом. Тогда решено было организовать взрыв в Зимнем дворце, подготовленный С. Халтуриным при помощи А. Желябова и произведённый в феврале 1880 г. Рабочий Халтурин в течение нескольких месяцев носил во дворец динамит, который ему передавал Желябов (Корнилов, 2004: 713). По отзывам Кравчинского и Плеханова, С. Халтурина отличала начитанность, высокий уровень образованности и глубокая вера в рабочий класс как единственную силу, способную изменить общественное устройство (Полевой, 1979: 46). Разгром «Северного союза русских рабочих», созданию которого посвятил все свои силы Халтурин, способствовал его переходу на путь террора, против которого он до этого решительно выступал. Плеханов пытался отговорить Халтурина от участия в террористической деятельности народовольцев, но безуспешно. В результате взрыва в Зимнем дворце по чистой случайности никто из членов царской семьи не пострадал. Убиты и ранены были караульные солдаты. Взрыв в Зимнем дворце произвёл ошеломляющее впечатление, престиж царского правительства был основательно подорван. О «Народной воле» узнали все, в обществе усилились оппозиционные настроения. А. Герасимов, глава столичного охранного отделения, позже вспоминал: «Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских и даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность» (Герасимов, 1996: 508). Неудавшееся убийство народовольцы решили компенсировать новыми терактами. Обращение Веры Фигнер в Исполнительный комитет «Народной воли» с предложением покарать генерала Стрельникова, известного своим жестоким преследованием революционеров, было встречено сочувственно. Организация террористического акта была возложена на Халтурина и студента Желвакова. Покушение в Одессе в марте 1882 г. закончилось убийством генерала, а Халтурин и Желваков были схвачены и казнены (Полевой, 1979: 93). Судили их тайно, опасаясь сочувствия горожан.

Для борьбы с террором правительством была создана Верховная распорядительная комиссия, главой которой в феврале 1880 г. был назначен Харьковский генерал-губернатор М. Т. Лорис-Меликов. Ему были предоставлены чрезвычайные полномочия. Проводя политику лавирования, Лорис-Меликов хотел наладить отношения с обществом, защищая права граждан, но при этом не отказывался от репрессий против революционеров. Его политика, имевшая успех среди либералов, вызывала опасения в рядах революционеров, которые боялись, что такая политика изолирует их от общества. Арест в Харькове члена Исполнительного комитета «Народной воли» Гольденберга, который выдал многих членов организации, обескровил её ряды. Организация не могла продолжать свою террористическую деятельность, а Лорис-Меликов ошибочно предположил, что революционеры решили изменить тактику борьбы, отказавшись от террора. На самом деле, мобилизовав все оставшиеся силы, народовольцы решили организовать новое покушение на Александра II. Желябов нашел добровольцев, желавших выйти на улицу со снарядами, изготовленными Кибальчичем. После ареста Желябова руководство операцией взяла на себя Софья Перовская. Она действовала решительно, несколько раз переставляя лиц с бомбами с тем, чтобы они непременно были на пути следования императора (Корнилов, 2004: 729).

Убийство императора потрясло общество. М. Катков в «Московских ведомостях» обрушился на революционеров, считая, что Лорис-Меликов потворствует им. Даже либерально настроенная общественность была возмущена. И. Аксаков произнёс речь в Славянском обществе против революционеров и всего западного либерализма. Последовавшая после убийства императора отставка Лорис-Меликова вызвала в либеральных кругах разочарование, связанное с крушением надежд на продолжение реформ. Курс на реакцию, взятый Александром III после убийства отца, способствовал активизации террористической деятельности. В 1887 г. состоялось руководимое народовольцем А. Ульяновым покушение уже на самого Александра III. В результате террористического акта, закончившегося неудачей, Ульянов и его товарищи были казнены.

Террористическая деятельность революционеров способствовала тому, что в качестве главного средства борьбы правительства с революционным движением становится провокация. В ряды секретной службы вербовались агенты, и таким образом создавалась целая провокационная сеть. Полиции удалось склонить к сотрудничеству члена Исполнительного комитета С. Дегаева, который занимался революционной деятельностью не во имя идеи, а двигало им чрезмерное честолюбие и мечта о руководящих должностях. Разоблачённый революционерами, спасая свою жизнь, он вынужден был убить инспектора тайной полиции Г. Судейкина (Лонге, Зильбер, 1991: 12). Подготавливали и осуществляли террористические акты «летучие отряды», входившие в Боевую Организацию. Совершали их люди, для которых террор стал самоцелью. Право на политическое убийство для них не подвергалось сомнению. Азеф, Каляев, Савинков, стоявшие во главе организации, разделяли эти убеждения. Не имевший каких-либо принципов и моральных убеждений, руководившийся лишь личными интересами, Азеф имел абсолютное лидерство в партии. Соратники считали его «великим террористом». По мнению Савинкова, Азефа выделяло «спокойное мужество террориста», «он был даровитым и опытным революционером и твердым решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с

ним...» (Лонге, Зильбер, 1991: 50). Значительную роль Азеф сыграл в выработке нового плана террористической кампании в 1901 г. В 1902 г. он был избран в ЦК партии, а после ареста Гершуни имел в «Боевой организации» неограниченную власть. Изучая взрывчатые вещества как техническое средство для ведения борьбы, он организовал в Петербурге динамитную лабораторию. Успешно закончилось разработанное им покушение на министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. Но надежда партийцев, что после этих убийств реакция прекратится, не оправдалась. В 1907–1908 гг. Азеф занимался подготовкой убийства Николая II, он сделал всё, что мог, но покушение не состоялось не по его вине (Лонге, Зильбер, 1991: 55). Матросы, которые должны были его совершить на царской яхте, в последнюю минуту не решились это осуществить (Лонге, Зильбер, 1991: 154). Практически вся террористическая деятельность партии направлялась и регулировалась Азефом.

К 1890-м гг. террористические акты стали основным видом деятельности партии эсеров, их осуществляли 50 террористов, входивших в состав «Боевой организации» (Лонге, Зильбер, 1991: 57). Многие боевики, в отличие от Азефа, руководствовались идейными убеждениями, имели свои нравственные принципы. С. Балмашев, исполнитель вынесенного смертного приговора министру Сипягину за жестокое подавление студенческих движений 1899 г. и 1901 гг., после ареста отказался подать прошение о помиловании, которое ему было обещано, предпочтя смерть. Савинков в своих воспоминаниях о Каляеве писал, что тот не смог убить великого князя Сергея Александровича, так как в карете находились его жена и дети (Лонге, Зильбер, 1991: 99, 118). Князь был убит Каляевым позже, при этом смертельное ранение получил кучер. Казнь террорист встретил достойно, так как для него революция была религией, а смерть – великомученичеством. В предсмертном письме, для распространения которого эсеры приложили максимум усилий, Каляев писал: «Пусть мой революционный акт представится вам как выражение моей пламенной любви к народу и моего глубокого уважения к вам. Примите мое дело как дань моей глубокой привязанности к нашей Партии...» (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 16780. Л. 1). Образ пламенного революционера, борца за народное благо, вызывал сочувствие в обществе и оправдывал террор в его глазах.

Еврейские погромы, организованные в Кишинёве в 1903 г. и зверства, учинённые погромщиками, не могли не вызвать возмущения общества. Правительство не приняло эффективных мер по защите населения. Виновником погромов считали Плеве, который воспринимал их как средство против революционной борьбы. Азеф не был евреем-националистом, не придерживался еврейской религии и обычаев, но погромы возмутили его. Дело Плеве он решил довести до конца уже не корысти ради (Николаевский, 1991: 70). Лидер партии кадетов П. Милуков в своих воспоминаниях писал, что «радость по поводу его (Плеве) убийства была всеобщая», отмечая, что чувство это противоестественно в моральном смысле, но «вполне естественно при противоестественных условиях русской жизни» (Милуков, 1990: 236). Допуская и поощряя зверства, правительство ставило общество перед нравственной дилеммой: осуждение насилия в свете христианских ценностей или оправдание его в качестве средства, устанавливающего социальную справедливость.

После убийства министра Азеф стал героем террора, авторитет его возрос многократно. Все члены партии уверовали в силу террора, которому были отданы основные её силы. Правительству была объявлена настоящая война. Удачное покушение привлекло в организацию много молодых людей. Следующим за Плеве должен был стать председатель Совета министров Столыпин, за которым было установлено наблюдение. Но новые коррективы в политику партии внёс Манифест 1905 г., перед ней встал вопрос о необходимости террора. Против террора решительно выступил Гоц, за террор – Савинков, который считал, что его усиление может привести правительство к краху. Террор для Савинкова всё больше становился самоцелью, а интересы Боевой Организации он ставил выше всего остального. Однако большинство членов партии высказалось против усиления террористических актов, считая, что это оторвёт партию от массового движения (Николаевский, 1991: 126, 187). Террористическая деятельность партии возобновилась в связи с репрессиями со стороны правительства, начавшимися после поражения революции. Считая главным виновником репрессий министра внутренних дел П. Дурново, народовольцы организовали покушение против него (Николаевский, 1991: 133). Но его так хорошо охраняли, что все попытки приблизиться к Дурново терпели неудачу. Тогда Азеф взял на себя руководство покушением на московского генерал-губернатора Ф. Дубасова, в результате которого погиб адъютант и сам террорист. Дубасов, получив лишь незначительные ранения, ушёл в отставку (Николаевский, 1991: 155).

Усиление или затишье террористической деятельности напрямую были связаны с общественно-политической обстановкой в стране. В связи с открытием Государственной думы в 1906 г. руководством партии было решено приостановить террор, так как появилась надежда на перемены, связанная с тем, что в состав Думы входило большинство настроенных оппозиционно правительству элементов. Но не все члены партии разделяли мнение руководства. Группа «максималистов», отделившись от партии социалистов-революционеров, организовала свою организацию. Они использовали свои методы борьбы: вместо подготовки террористического акта они наносили внезапные удары. Именно так ими было организовано покушение на Столыпина. Явившись в часы приёма на дачу министра, террористы-смертники бросили бомбы в передней.

В результате взрыва погибло несколько десятков посетителей, сами террористы, были ранены дети министра. Сам же Столыпин не пострадал (Николаевский, 1991: 181). ЦК партии опубликовал заявление о непричастности партии к этому акту и моральном его осуждении. В партии отношение к заявлению было воспринято неоднозначно. Для интеллигентов-террористов в отношении совершения террористических актов была характерна внутренняя раздвоенность. Перед ними неизбежно вставал вопрос о случайных жертвах, а также вопрос о праве на убийство, пусть даже во имя блага многих. Судя по частоте террористических актов, вопросы эти решались ими положительно. Убийство жертв в их глазах оправдывалось собственной смертью. Фигнер в своих воспоминаниях писала: «Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать» (Фигнер, 1933: 156). Убийство многими революционерами воспринималось как тяжёлая необходимость, а собственная смерть как радостный подвиг. Философ и публицист П. Ткачев, занимавшийся революционной деятельностью, активно пропагандировал террор, считая, что «дезорганизовать и ослабить правительственную власть, при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь единым способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе...правительственную власть» (Ткачев, 1996: 153). «Революционный терроризм является...единственным действенным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» (Ткачев, 1996: 154). Апеллируя к нравственным ценностям, революционеры-террористы неразрывно связывали их с насилием.

Не было однозначного отношения к террору и среди интеллигенции, непосредственно непричастной к нему. Для оправдания террора ей требовалось внутреннее нравственное самооправдание, к которому она, однако, была готова. Так, А. Блок в письме к В. Розанову в феврале 1909 г. писал: «Сам я не “террорист”, уже по тому одному, что “литератор”. Как человек я содрогаюсь при известии об участии любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатъев. И, однако, так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положения – что я действительно не осужу террора сейчас...» (Блок, 1962: 276-277). Поэта подкупало то, что революционеры «умирают как истинные герои с сиянием мученической правды на лице». Отражая социальные процессы времени, в 1913 г. А. Белый написал роман «Петербург». Общество в это время было взбудоражено разоблачением Азефа. Сам Белый был далёк от террора, материалы для своего романа он брал из газет. Биография героя романа, террориста Дудкина, перекликается с биографией основателя Боевой Организации эсеров Г. Гершуни. Автор, воссоздавая в романе атмосферу террора, показывал его разрушительные последствия. Террористы для писателя – это люди, болезнь которых носит заразный характер. В. Брюсов, напротив, оправдывал террор. Видел в нём средство освобождения от тирании. В стихах он воспевал Брута, Робеспьера, Марата, которые воспринимались обществом как символы террора.

Двойственностью по отношению к террору отличалась позиция Д. Мережковского и З. Гиппиус. Попав под обаяние Б. Савинкова, они признавали необходимость революционного свержения самодержавия, но под эгидой религии. Понимание невозможности совершить революцию без насилия и случайных жертв привело их к оправданию террора. Они пришли к выводу, что не могут сказать насилию однозначное «нет». Гиппиус писала: «Нельзя простить убийства; но оправдать его..., если оно совершено во имя будущего и внушено разумом и нравственным чувством, – не только можно, но и должно» (Мережковский и др., 1999: 109). Взывая к нравственности, она оправдывала насилие, спекулируя понятием «общего блага», утверждая, что «с одной стороны, убивать нельзя, а с другой – смотря кого и во имя чего» (Gryaznukhina et al., 2023: 932). Террористов Мережковские воспринимали как святых и мучеников, идущих на смерть. Таким образом, нравственный постулат свободы, по их мнению, вполне может осуществиться через насилие. Мотивы мести самодержавию посредством террора встречаются в творчестве К. Бальмонта, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, А. Белого, В. Ходасевича, А. Блока (Петухов, 2006: 81). Творческая интеллигенция имела весомое влияние на общественное сознание, участвуя тем самым в формировании общественного мнения. Сочувственно относясь к террористам, культивируя террористические настроения в обществе, творческая интеллигенция идейно питала террор, за развитие которого, поэтому, она несёт нравственную ответственность. Согласно статистическим данным, только с 1900 по 1910 г. было совершено 23 тыс. террористических актов, в результате которых было убито и ранено 17 тыс. человек (Володина, 2023: 51).

Своеобразным барометром изменения общественного мнения в сторону террора можно считать отношение общества к вопросу покушения на царя, который поднимался ещё при создании Боевой Организации в 1902 г., но тогда его в партии сочли несвоевременным. Народ бы этого не понял и не принял. После разгона Думы, в составе которой эсеры имели свыше 30 представителей, покушение в политическом плане стало оправданным. Слухи о готовящемся покушении на царя не встретили возмущения в обществе, которое психологически к этому было готово. Способствовало этому и торжество реакции, установившейся к осени 1907 г. В ответ на это многие сочувствующие революции ушли в личную жизнь, воспринимая это как явление временное. Такие настроения общества нашли отражение в рассказе А. Чехова «Рассказ неизвестного человека», герой которого, террорист-одиночка, отказался от планируемого убийства во имя семейного счастья. Другие ушли в террор,

воспринимая его как месть за временное поражение. Выходец из интеллигентной состоятельной семьи, талантливый и блестяще образованный В. Лебединцев, разработавший план взрыва в Государственном совете, был предан Азефом, который сообщил об этом А. Герасимову (Николаевский, 1991: 235). Вследствие этого предательства Боевая Организация практически была уничтожена. Разоблачение Азефа вызвало внутривластный кризис, понимание того, что устранением отдельных лиц систему не разрушить. Как результат этого в самой партии возникло движение против террора, взамен которого предлагалось перейти к пропаганде и организации коллективного протеста масс. Разоблачение Азефа нанесло удар не только по имиджу терроризма, но и повлияло на моральное и психическое настроение членов партии, в рядах которой наблюдалось смятение, недоверие, была подорвана вера в чистоту идеалов, без которых идти на смерть было невозможно. «В подобной обстановке террор как система борьбы – и политически, и психологически – стал, конечно, невозможен» (Николаевский, 1991: 281). А. Гучков в своём выступлении в Государственной Думе в 1911 г. справедливо констатировал: «Террор когда-то затормозил и тормозит с тех пор поступательный ход реформы; террор дал оружие в руки реакции; террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы» (Гучков, 1912: 160). Большая часть интеллигенции России к началу XX в. пришла к убеждению о деструктивном влиянии террора на развитие страны в целом и необходимости его прекращения.

5. Заключение

Незавершенность российских реформ XIX в., отсутствие взаимопонимания между властью и обществом, репрессивная политика правительства, невозможность для интеллигенции реализовать свои политические притязания – всё это привело к радикализации общественных настроений в стране. Отсутствие диалога общества с властью всё больше убеждало его в том, что единственным способом разрешить накопившиеся противоречия является террор. В террор шли под влиянием прокламаций, публичных процессов над революционерами-террористами, руководствуясь личными мотивами или идейной убеждёностью. Образ героя-мученика, идущего на смерть во имя всеобщего блага, укрепившийся в общественном сознании, делал террористическую деятельность привлекательной, расширяя её социальную базу. Кроме интеллигенции, которая породила террор и составляла доминирующую долю в его составе, участие в нём принимали студенты, чиновники, дворяне, рабочие. Попытки разрешить социальные противоречия путём просвещения населения «хождением в народ» не дали результатов. Жестокое преследование революционеров со стороны власти за мирную пропаганду привело их к убеждению, что при данных условиях убийство высокопоставленных чиновников может быть единственным способом борьбы. На правительственный террор народники отвечали террором революционным. С образованием в конце 1901 – начале 1902 г. партии социалистов-революционеров, считавшей себя продолжательницей дела «Народной воли», террористическая деятельность приобрела масштабный и системный характер. Террористические акты, осуществлявшиеся Боевой Организацией, созданной при ЦК партии, встречали сочувствие в обществе. Именно благодаря поддержке либерально настроенной интеллигенции терроризм в России смог оформиться в одну из ведущих форм политической борьбы. И хотя русская интеллигенция не имела согласованной позиции по отношению к террору, нравственную ответственность за его возникновение и развитие она, несомненно, несёт. Либералы, как правило, пытались оправдать террор, обосновывая его необходимость неэффективностью других методов борьбы; консерваторы, осуждая проявленное при совершении террористических актов насилие, поддерживали правительство в его репрессивных мерах. Двойственной была позиция творческой интеллигенции, которая с одной стороны осуждала террор, с другой – оправдывала его. Подобная позиция интеллигенции в целом пагубно сказалась на общественном развитии, приведя общество к тяжёлым последствиям морального оправдания террора. Перейдя в своей деятельности границы допустимого, террористы, большая часть которых была представлена интеллигенцией, не получили нравственного осуждения со стороны общества, которое не осознавало глубины сокрушительного потенциала террора. Понимание этого происходило постепенно, в частности после разоблачения провокационной деятельности Азефа, которая нанесла по терроризму сокрушительный удар, подорвав веру в чистоту его нравственных идеалов. Наконец, приходит осознание того, что несмотря на успешность отдельных террористических актов, изменить таким образом форму государственного управления в России невозможно. Цель террористов не была достигнута. Вследствие этого к началу Первой мировой войны политический терроризм был фактически ликвидирован. Деятельность террористов, внося деструктивный элемент в развитие общества в целом, лишь способствовала приближению трагических событий 1917 г.

Литература

- Блок, 1962 – Блок А. А. Письма 1898–1921. М.-Л., 1962. 477 с.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Герасимов, 1996 – Герасимов А. Из воспоминаний «На лезвии с террористами» / История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 506–508.

- Мережковский и др., 1999 – Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Революция и насилие / Царь и революция. М., 1999. С. 103-128.
- Гучков, 1912 – Гучков А.И. А.И. Гучков в Третьей государственной думе: (1907-1912 гг.) СПб., 1912. 248 с.
- Достоевский, 2022 – Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2022. 608 с.
- Зайчневский, 1996 – Зайчневский П.Г. Молодая Россия / История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 26-31.
- ИТВР, 1996 – История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. 576 с.
- Кеннан, 1999a – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 1. СПб., 1999. 391 с.
- Кеннан, 1999b – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 2. СПб., 1999. 399 с.
- Клейменов, Нуртазин, 2006 – Клейменов И.М., Нуртазин А.Б. Психопатология террора // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2 (26). С. 84-85.
- Корнилов, 2004 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 863 с.
- Кутай, 2017 – Кутай А.И. Этиология терроризма // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 16-27.
- Леванов, 2008 – Леванов Б. В. Из истории терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник МГПУ. 2008. № 2. С. 5-11.
- Леонов, 2007 – Леонов М. И. Террор и смута в Российской империи начала XX века // Вестник СамГУ. 2007. № 5/3 (55). С. 175-186.
- Милюков, 1990 – Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990. 446 с.
- Николаевский, 1991 – Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. 384 с.
- Ойтinen, 2019 – Ойтinen В. Революционная мораль и русский опыт: Маркс, Бакунин, Достоевский // Электронный философский журнал. 2019. Вып. 26. С. 13-24.
- Оржеховский, 1982 – Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.). М., 1982. 207 с.
- Полевой, 1979 – Полевой Ю.З. Степан Халтурин. М., 1979. 111 с.
- Пономарев, 2012 – Пономарев Е.Г. Политический терроризм в России во второй половине XIX века // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 27-31.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
- Римский, Исмагилова, 2022 – Римский А.В., Исмагилова М.М. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента // Философия. Социология. Право. 2022. Т.47. № 2. С.230-237.
- Сергеенкова, 2009 – Сергеенкова В.В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения // Рацы гістарычнага факультэта БГУ. Вып. 4. Минск, 2009. С. 309-316.
- Сибиряков, 2011 – Сибиряков И.В. Интеллигенция и террор: исторический опыт России начала XX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 7-18.
- Соколофф, 2008 – Соколофф Ж. Бедная держава: история России с 1815 года до наших дней. М., 2008. 882 с.
- Степанов, 2022 – Степанов Ю.Г. Казус С.Г. Нечаева (комментарий к биографии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (78). С. 118-127.
- Степняк-Кравчинский, 1987 – Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. Т.1. М., 1987. 575 с.
- Суворин, 1992 – Суворин А. Дневник. М., 1992. 493 с.
- Тевс, 2020 – Тевс В. В. Исторический феномен «нечаевщина» как проявление пассивных способов социально-психологического воздействия // Цифровая наука. 2020. № 5. С.228-239.
- Ткачев, 1996 – Ткачев П. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 153-154.
- Толстой, 1996 – Толстой Л.Н. Письмо Александру III // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 469-480.
- Фигнер, 1933 – Фигнер В.Н. Воспоминания. Запечатленный труд. Т. 3. М., 1933. 418 с.
- Чевагина, 2004 – Чевагина Н.И. Политический терроризм в России во второй половине XIX века // Научно-технический вестник. 2004. Вып. 17. С. 168-172.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // Bylye Gody. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Pfanenshtil I.A., Kozhevnikov S.V. The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia // Bylye Gody. 2023. 18(4): 1726-1735.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Zhulaeva A.S., Kozhevnikov S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). 716-725.

Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

Gryaznukhina et al., 2023 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Pfanenshtil I.A., Schastlivaya T.V. (2023). Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 927-935.

References

Blok, 1962 – Blok, A.A. (1962). Pis'ma 1898–1921 [Letters 1898–1921]. Moskva, Leningrad. 477 p. [in Russian]

Chepagina, 2004 – Chepagina, N.I. (2004). Politicheskii terrorizm v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [The political terrorism in Russia in the second half of the 19th century]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik*. 17: 168-172. [in Russian]

Dostoevskii, 2022 – Dostoevskii, F.M. (2022). Besy [The demons]. Moskva. 608 p. [in Russian]

Figner, 1933 – Figner, V.N. (1933). Vospominaniya. Zapechatlennyy trud. T. 3 [Memories. Sealed Work. Vol. 3]. Moskva. 418 p.

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gerasimov, 1996 – Gerasimov, A. (1996). Iz vospominanij «Na lezvi s terroristami». [From the memoirs "On the Blade with the Terrorists"]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh*. Pp. 506-508. [in Russian]

Merezhkovskii i dr., 1999 – Merezhkovskii, D., Gippius, Z., Filosofov, D. (1999). Revolyutsiya i nasilie [Revolution and Violence]. *Tsar' i revolyutsiya*. Moskva. Pp. 103-128. [in Russian]

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V. (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735.

Gryaznukhin et al., 2024 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2). 716-725.

Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

Gryaznukhina et al., 2023 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Pfanenshtil, I.A., Schastlivaya T.V. (2023). The Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age. *Bylye Gody*. 18(2): 927-935.

Guchkov, 1912 – Guchkov, A.I. (1912). A.I. Guchkov v Tret'ei gosudarstvennoi dume: (1907-1912 gg.) [A. I. Guchkov in the Third State Duma: (1907-1912)]. SPb, 248 p. [in Russian]

Kennan, 1999a – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.). T. 1. [Siberia and the Exile. Travel Notes (1885-1886). Vol. 1]. SPb. 391 p. [in Russian]

Kennan, 1999b – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.). T. 2. [Siberia and the Exile. Travel Notes (1885-1886). Vol. 2]. SPb. 399 p. [in Russian]

Kleimenov, Nurtazin, 2006 – Kleimenov, I.M., Nurtazin, A.B. (2006). Psikhopatologiya terrora [The psychopathology of terror]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2 (26): 84-85. [in Russian]

Kornilov, 2004 – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of Russian history of the 19th century]. Moskva. 863 p. [in Russian]

Kugai, 2017 – Kugai, A.I. (2017). Etiologiya terrorizma [The etiology of terrorism]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 3: 16-27. [in Russian]

Leonov, 2007 – Leonov, M.I. (2007). Terror i smuta v Rossiiskoi imperii nachala XX veka [Terror and unrest in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Vestnik SamGU*. 5/3 (55): 175-186. [in Russian]

Levanov, 2008 – Levanov, B.V. (2008). Iz istorii terrorizma v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [From the history of terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik MGPU*. 2: 5-11. [in Russian]

Milyukov, 1990 – Milyukov, P.N. (1990). Vospominaniya (1859-1917). T. 1 [Memories (1859-1917). Vol. 1]. Moskva. 446 p. [in Russian]

Nikolaevskii, 1991 – Nikolaevskii, B.I. (1991). Istoriya odnogo predatelya [The story of a traitor]. Moskva. 384 p. [in Russian]

- Oitinen, 2019 – Oitinen, V. (2019). Revolyutsionnaya moral' i russkii opyt: Marks, Bakunin, Dostoevskii [Revolutionary morality and the Russian experience: Marx, Bakunin, and Dostoevsky]. *Elektronnyi filosofskii zhurnal*. 26: 13-24. [in Russian]
- Orzhekhovskii, 1982 – Orzhekhovskii, I.V. (1982). Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii (1826-1880 gg.) [Autocracy vs. Revolutionary Russia (1826-1880)]. Moskva. 207 p. [in Russian]
- Polevoi, 1979 – Polevoi, Yu.Z. (1979). Stepan Khalturin [Stepan Khalturin]. Moskva. 111 p. [in Russian]
- Ponomarev, 2012 – Ponomarev, E.G. (2012). Politicheskii terrorizm v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Political terrorism in Russia in the second half of the 19th century]. *Obshchestvo i pravo*. 5 (42): 27-31. [in Russian]
- RGALI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- Rimskii, Ismagilova, 2022 – Rimskii, A. V., Ismagilova M. M. (2022). Paradoksal'naya ideologiya narodnichestva v pravovoi kul'ture russkogo intelligenta [The Paradoxical Ideology of Populism in the Legal Culture of the Russian Intelligentsia]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 47 (2): 230-237. [in Russian]
- Sergeenkova, 2009 – Sergeenkova, V.V. (2009). Problema terrorizma v teorii i praktike rossiiskogo revolyutsionnogo dvizheniya [The Problem of Terrorism in the Theory and Practice of the Russian Revolutionary Movement]. *Pratsy gistarychnaga fakul'teta BGU*. 4: 309-316. [in Russian]
- Sibiryakov, 2011 – Sibiryakov, I.V. (2011). Intelligentsiya i terror: istoricheskii opyt Rossii nachala XX veka [The intelligentsia and terror: Russia's historical experience in the early 20th century]. *Intelligentsiya i mir*. 1: 7-18. [in Russian]
- Sokoloff, 2008 – Sokoloff, Zh. (2008). Bednaya derzhava: istoriya Rossii s 1815 goda do nashikh dnei [A poor power: The history of Russia from 1815 to the present day]. Moskva. 882 p. [in Russian]
- Stepanov, 2022 – Stepanov, Yu.G. (2022). Kazus S.G. Nechaeva (kommentarii k biografii) [The Case of S. G. Nechaev (commentary on his biography)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (78): 118-127. [in Russian]
- Stepnyak-Kravchinskii, 1987 – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya. T.1 [Essays. Vol. 1]. Moskva. 575 p. [in Russian]
- Suvorin, 1992 – Suvorin, A. (1992). Dnevnik [Diary]. Moskva. 493 p. [in Russian]
- Tevs, 2020 – Tevs, V.V. (2020). Istoricheskii fenomen «nechaevshchina» kak proyavlenie passivnykh sposobov sotsial'no-psikhologicheskogo vozdeistviya [The historical phenomenon of "Nechaevism" as a manifestation of passive methods of socio-psychological influence]. *Tsifrovaya nauka*. 5: 228-239. [in Russian]
- Tkachev, 1996 – Tkachev, P. (1996). Terrorizm kak edinstvennoe sredstvo npravstvennogo i obshchestvennogo vozrozhdeniya Rossii [Terrorism as the Only Means of Russia's Moral and Social Revival]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyax*. Pp. 153-154. [in Russian]
- Tolstoi, 1996 – Tolstoi, L.N. (1996). Pis'mo Aleksandru III [Letter to Alexander III]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyax*. Pp. 469-480. [in Russian]
- Zaichnevskii, 1996 – Zaichnevskii, P.G. (1996). Molodaya Rossiya. [Young Russia]. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentax, biografiyax, issledovaniyakh*. Pp. 26-31. [in Russian]

Терроризм как общественно-политическое явление в нравственной оценке русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Основным предметом исследования данной статьи является проблема отношения русской интеллигенции к политическому террору в России второй половины XIX – начала XX в. Работа основана на использовании первоисточников: дневников, писем, воспоминаний, мемуаров, статей представителей интеллигенции рассматриваемой эпохи. Проанализированы причины генезиса терроризма, заключавшиеся в незавершённости реформ, невозможности интеллигенции реализовать свои возможности в какой-либо из сфер деятельности. Установлено, что насильственная политика по отношению к революционерам, в виде правительственного террора, способствовала расширению социальной базы политического террора. Рассмотрены специфика эволюции террора в России и социальный состав участников террористической деятельности, представленный интеллигенцией, дворянством, студентами, рабочими. Обоснована доминирующая роль в терроре интеллигенции, которая стояла у его истоков и порождением которой он являлся. Героизация образа революционера-террориста способствовала формированию из него социального стереотипа человека,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)

жертвующего собой во имя всеобщего блага, что, в свою очередь, способствовало вовлечению в террор новых адептов. В ходе исследования выявлено, что интеллигенция, не имея в целом согласованной позиции по отношению к террористическим актам, в основном относилась к ним более чем лояльно, оправдывая свою позицию неразумной, жестокой политикой власти и невозможностью воздействовать на неё другим способом. Террор, не получив однозначного нравственного осуждения со стороны интеллигенции и сыграв свою деструктивную роль, пагубным образом отразился на общественно-политическом развитии России.

Ключевые слова: терроризм, интеллигенция, Россия XIX в., социалисты-революционеры, народовольцы.